

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

УДК 327

А.В. Островский

Институт востоковедения Российской академии наук,

107131 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,

119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток.
Восточноазиатский вектор России (2014–2024).
М., 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Островский А.В. Рецензия на книгу: Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 143–155. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

FOR CITATION: Ostrovskii A.V. Book Review: K.V. Babaev, S.G. Luzyanin. Pivot to the East. East Asian Vector of Russia (2014–2024). Moscow, 2024. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 143–155. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-143-155

Вышла из печати книга двух директоров Института Дальнего Востока Российской академии наук – бывшего (с 2017 по 2020 гг.) С.Г. Лузянина и нынешнего – К.В. Бабаева (с 2021 г. по настоящее время). Данная работа написана на весьма актуальную сегодня для России тему. В условиях западных санкций она могла бы обосновать сделанную заявку на лидерство в российском востоковедении с учетом занимаемых ими должностей.

Книга состоит из предисловия ответственного редактора С.А. Карганова, трех глав: «Россия и Большая Евразия», «Россия и Северо-Восточная Азия» и «Россия и Юго-Восточная Азия», заключения, списка источников и литературы и сведений об авторах.

© Островский А.В., 2024



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Вызывает сомнения название книги «Поворот на Восток» и точность перевода этого названия на английский язык. В нем справедливо не используются привычные для нас эквиваленты *turn*, который употребляется при переводе русского слова «поворот (направо или налево)», или *U-turn*, который употребляется при переводе определения «разворот на 180 градусов». В данном варианте перевода заголовка книги используется французское слово *pivot*, которое предполагает полный отказ от прежнего направления и разворот на 180 градусов. В марте 1999 г. председатель Правительства РФ Е.М. Примаков, после того, как узнал о бомбардировке Белграда, развернул самолет с правительственной делегацией над Атлантическим океаном на 180 градусов, и этот маневр во всей англоязычной прессе в заголовках и текстах так и назывался французским словом *pivot*. Вызывает сомнение, что в 2014–2024 гг. изменения российской политики в отношении восточных стран в целом и Китая в частности можно назвать разворотом с запада на восток.

Также после внимательного прочтения работы возник большой вопрос, насколько ее название отвечает ее содержанию. Судя по содержанию книги, был проведен анализ политики России в отношении стран Дальнего Востока, Северо-Востока и Юго-Востока Азии. Но к понятию «восток» относятся все страны Азии и Африки – от Турции и Египта до Сингапура и Филиппин, а также страны Центральной Азии. При этом при анализе экономических показателей ясно, что «поворот на Восток» в 2014–2023 гг. состоял не только в увеличении объемов торговли с КНР, что играет большое значение для дальнейшего исследования этой темы, но, в основном, в увеличении объемов торговли с такими странами, как Турция, Индия и Казахстан. Эти вопросы, как и изменение отношений России с арабскими и африканскими странами, в данной работе вообще не затрагивались.

Следует отметить, что структура работы выстроена логично. Первая глава посвящена описанию общей ситуации в России в 2014–2023 гг. В ней раскрывается историческая ретроспектива баланса восточного и западного вектора в российской политике на протяжении веков. Особое внимание уделено исследованию китайского фактора российской политики в Восточной Азии, его влияния и развитию дальнейших перспектив. В первой главе авторы также попытались проанализировать перспективы потенциального развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), для этого противопоставили продвижение БЕП через Фонд развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Банк развития, с одной стороны, и развитие торгово-экономического сотрудничества в Евразии через Новый банк развития БРИКС, инициативу

«Пояс и Путь» и фонд Шелкового пути – с другой. К сожалению, следует признать, что сравнительный анализ двух путей развития Евразии у авторов не получился из-за отсутствия необходимого для этого статистического анализа. Также авторы работы так и не смогли объяснить, почему в 2015 г. Россия отказалась от прямого вовлечения в китайскую инициативу «Пояс и Путь» в 2015–2018 гг., а пошла на сопряжение этих двух инициатив на равноправной основе.

Во второй главе рассматривается сложившаяся в связи с поворотом на Восток ситуация на российском Дальнем Востоке, перспективы его развития и возможности расширения внешнеторговых связей со странами Северо-Восточной Азии – КНР, Монголией, КНДР, Республикой Корея, Японией. В главе говорится о перспективах территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке, инвестиционных проектах со странами Северо-Восточной Азии. Однако авторы признают, что отдача от этих проектов, включая важнейшие для России и Китая инфраструктурные проекты, такие как «Приморье-1» и «Приморье-2», способствующие решению китайских транспортных проблем двух северо-восточных провинций, Хэйлунцзян и Цзилинь, одновременно с расширением инфраструктуры в трех портах на Дальнем Востоке – Владивосток, Находка и Зарубино, строительством мостов через реки Амур и Уссури и модернизацией железнодорожных путей на дальневосточном участке, пока невелика. В главе 2 сделано самое главное признание: «Китай продолжает оставаться основным фокусом российского поворота на Восток как минимум на ближайшее десятилетие. Его доля в российском товарообороте растет, импортные поставки и китайский рынок будут оставаться важнейшим элементом обеспечения экономической и технологической безопасности России, его политическая поддержка российской дипломатии будет продолжать играть важную роль в системе международных отношений России»¹.

Третья глава, в основном, посвящена анализу торгово-экономических отношений России со странами Юго-Восточной Азии. Как показывают приводимые в главе статистические данные, пока не происходит быстрого развития торговых связей с этими странами. По состоянию на 2021 г. объем внешней торговли со всеми 10 странами Юго-Восточной Азии составил около 20 млрд долл. Пока основными партнерами этих стран является либо КНР, которая существенно увеличила за последние годы рост торгово-экономических связей в результате развития инициативы «Морской Шелковый путь XXI века», и США,

¹ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 90.

которые пытаются бороться с усилившимся там влиянием Китая и активизацией китайских хуацяо² в этих странах. Единственный серьезный аргумент, который может предложить Россия для развития сотрудничества, – это работа по добыче нефти и природного газа на океанском шельфе на примере успешно работающей российско-вьетнамской компании «Вьетсовпетро».

В заключении работы были сделаны важные выводы о том, что поворот на Восток вошел в активную фазу с 2022 г. (начало СВО), Россия и Китай выбрали развитие стратегического партнерства, и сближение России и Китая стало стратегическим поражением США, которые со времени подписания «Шанхайского коммюнике» в феврале 1972 г. делали все возможное, чтобы такое сближение России и Китая не состоялось. В итоге авторы приходят к важному выводу о том, что «рост сотрудничества со странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии дает шанс привлечь в дальневосточные регионы, остававшиеся в течение десятилетий депрессивными, новую динамику, масштабные инвестиции, транспортно-логистические проекты, развитие промышленности, сельского хозяйства, туризма и инфраструктуры»³.

Однако работа не свободна от недостатков. Трудно согласиться с выводами авторов о благотворном воздействии монголо-татарского ига на развитие российской экономики в XIII–XV вв. Как считают авторы работы, «торговые отношения с Монгольской державой и через нее с другими государствами Востока существенно обогащали Русь, во многом способствуя расцвету крупнейшего торгового центра страны – Новгорода и выводя на первый план новые растущие города на Волге и Оке – Тверь, Рязань, Москву»⁴. Конечно, с одной стороны, можно сказать, что на протяжении почти 200 лет после захвата монголо-татарами Китая, падения Сунской династии и формирования династии Юань при правлении захватившего Китай хана Хубилая Россия вошла в состав этой империи, платила дань, но взамен получала порох и артиллерию, почтовое сообщение и денежную систему, но не от монголо-татар, а от Китая, где все это было изобретено задолго до этого. С другой стороны, большинство российских и не только российских историков считают, что существовавшее на территории Руси монголо-татарское иго в XIII–XV вв. отбросило Россию на много лет назад в своем

² Выходцы из Китая, проживающие в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают.

³ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014-2024). М., 2024. С. 235.

⁴ Там же. С. 15.

социально-экономическом развитии, и только в конце XV в. России удалось освободиться от ослабевших к тому времени монголо-татар и вернуться к естественному пути развития. На мой взгляд, вторая точка зрения более объективно отражает ситуацию в средневековой России, у которой оказались заблокированными все связи с Западом. После уплаты непосильной дани завоевателям на протяжении более двух веков у России оставалось не так много в казне и у населения для развития экономики на Руси, и с большим трудом удавалось обеспечивать воспроизводство производительных сил.

Другое заявление авторов работы, с которым также трудно согласиться, – это то, что «с петровских времен до конца XIX века Сибирь и Дальний Восток, содержащие в себе бесконечные возможности для освоения не развивались, и азиатский вектор оставался для российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности целиком периферийным, если не маргинальным»⁵. Конечно, в начале XVIII в. в условиях Северной войны со шведами, чтобы, говоря словами А.С. Пушкина, «ногою твердой встать при море», у Петра I не было возможностей заниматься восточными границами с Цинской империей. Эти границы были очень приблизительно определены Нерчинским договором 1689 г., подписанным после походов российских казаков по освоению Дальнего Востока (походы В. Пояркова и Е. Хабарова в середине XVII в. на Амур).

Сразу после подписания Ништадского договора в 1721 г. со Швецией, по итогам которого России за уплаченные два миллиона ефимков достались территории Прибалтики – нынешние Латвия и Эстония, Петром I был сразу направлен в Цинскую империю послом для ведения переговоров Л. Измайлов. В Пекине он удостоился личной аудиенции у императора Канси, в ходе которой была достигнута устная договоренность об отказе от ведения военных действий между двумя империями – Российской и Цинской.

К сожалению, Л. Измайлов вернулся в Россию уже после смерти российского императора. Но его вдова Екатерина I отправила для ведения переговоров и подтверждения линии границ по Нерчинскому договору делегацию во главе с Саввой Рагузинским. В результате этой миссии были приведены в должный порядок все крепости на границах с Цинской империей. Савва Рагузинский добился не только подтверждения прохождения линии границы по Нерчинскому договору 1689 г., но и подписания в 1727 г. серии договоров о развитии российско-китайской торговли через Кяхту и об открытии действовавшей свыше 250 лет,

⁵ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 18.

до 1956 г., Российской духовной миссии в Пекине. Именно Российская духовная миссия с того момента вплоть до Опиумных войн середины XIX в. была единственной миссией европейской страны на территории Китая. Российская духовная миссия своей деятельностью заложила основу для развития китаеведения в России. В ней проходили профессиональную подготовку и получали основательные знания о Китае все ведущие китаисты того времени – Бичурин, Леонтьев, Рассохин, Захаров. Там был подготовлен отцом Палладием Кафаровым в конце XIX в. самый полный 4-томный китайско-русский словарь, ставший образцом для многих поколений китаеведов.

В XVIII–XIX вв. Россия продолжала осуществлять свою восточную политику. Землепроходцы продолжали идти на Восток, на край Земли. Если в XVII в. они шли, в основном, к югу, на Амур, где был хороший климат, можно было выращивать большие урожаи, водилась крупная рыба и пушные звери, то после подписания Нерчинского договора 1689 г., Кяхтинского и Буреинского трактатов 1727 г. российские землепроходцы направлялись на восток – на Камчатку и Чукотку, переправились через Берингов пролив и стали осваивать Аляску. В дальнейшем русские землепроходцы достигли Калифорнии, и на географических картах середины XIX в. территория Аляски и побережье штата Калифорния были указаны как территории Российской империи, граница испанских владений у города Сан-Франциско была общая с российскими владениями. Не случайно в нынешних названиях американских городков и поселков в Калифорнии в округе Сан-Матео – Сан-Франциско до сих пор сохранились до боли знакомые русские названия: Севастополь, Московка, Полтавка и даже Форт-Росс и гора Шастя (т.е. Счастья). В годы Крымской войны в середине XIX в. для обороны весьма отдаленного от Москвы и Санкт-Петербурга полуострова Камчатка был направлен отряд под командованием генерал-майора флота В.С. Завойко, который дал отпор англо-французским агрессорам.

Таким образом, восточная политика у России всегда была, но не всегда цели и задачи восточной политики можно было реализовать в полном объеме из-за недостатка ресурсов, как материальных, так и людских. В частности, продажа Аляски США в 1867 г. была связана с тем, что Российско-американская компания (РАК), одна из богатейших в России, уже не могла поддерживать т.н. «северный завоз» и обеспечение всем необходимым российских колонистов на Аляске и Калифорнии в тяжелых северных условиях.

С учетом этих исторических соображений более правильно было бы назвать книгу «Восточная политика России (2014–2024 гг.)».

На наш взгляд, данная книга должна была дать ответ на ряд вопросов, которые позволили бы определить основные проблемы, которые стоят в настоящее время перед Россией в ее пути на восток. Исходя из введения и заключения рецензируемой работы, в ней должны быть определены цели и задачи, которые ставит перед собой «восточный поворот». По каким новым направлениям развивается и будет развиваться Китай как основной российский партнер для «поворота на Восток»? Какие препятствия и вызовы стоят в настоящее время перед российским «поворотом на Восток»? Какие необходимы инструменты и механизмы, чтобы эти препятствия преодолеть?

К сожалению, в книге нет ответов на поставленные вопросы. В ней очень много рассуждений о концепции внешней политики России, принятой 31 марта 2023 г., говорится не только об отношениях с ближним зарубежьем и развитии Арктики, но и о создании БЕП, включая развитие отношений с Китаем, Индией, странами АТР и АСЕАН. Казалось бы, что для авторов работы открыто широкое поле деятельности по формированию путей развития БЕП, сотрудничества со странами АТР, в первую очередь КНР, где у российского и китайского руководства сложились теплые отношения на самом высоком уровне, действует Договор о добрососедстве, мире и дружбе от 16 июля 2001 г. В этой ситуации для России открываются благоприятные возможности для сопряжения БЕП и китайской инициативы «Пояс и Путь», подключение к новой действующей в АТР региональной структуре «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП). Однако, к сожалению, в книге так и не дана характеристика ни БЕП, ни АТЭС, членом которого Россия стала в 1998 г. для выхода российской экономики на страны Азиатско-тихоокеанского региона. Также из книги почти ничего нельзя узнать о работе таких экономических структур, как выдвинутая в 2013 г. китайская инициатива «Пояс и Путь» и созданная в 2022 г. ВРЭП. Эти две новые структуры уже сегодня показывают значимые результаты экономического сотрудничества, в котором на равных работают такие разные по уровню экономического развития страны, как, с одной стороны, КНР, Республика Корея и Япония, а с другой – Лаос и Кампучия.

В работе не был проведен экономический анализ «поворота на Восток», по итогам которого можно определить, что потеряла или приобрела Россия. Результатом этого анализа должна была стать сравнительная характеристика изменения товарной и страновой структуры товарооборота, внешней торговли и инвестиций. Изменения в инвестиционной политике за 10 лет – с 2014 по 2023 гг. – обсуждать действительно нет смысла. По данным Центрального банка России, до 2022 г. по объему иностранных инвестиций в Россию первые пять мест занимали отнюдь

не страны Востока, а Кипр, Бермуды, Великобритания, Нидерланды, Люксембург. После объявления СВО в феврале 2022 г. Центробанк перестал публиковать данные о прямых иностранных инвестициях, но в изданном в 2023 г. статистическом сборнике «Инвестиции в России» была информация о выводе с российской территории за границу в 2022 г. 381,5 млрд дол.⁶

Более интересные результаты показал анализ изменений во внешней торговле России за период с 2014 по 2023 гг., т.е. за хронологический период рецензируемого исследования. Собственно говоря, авторы работы такого статистического анализа изменений во внешней торговле РФ за 10 лет не провели. В работе имеются отдельные статистические показатели по объемам внешней торговли РФ с разными странами и регионами Востока – от КНР до Лаоса и Сингапура. К сожалению, они так и не были сведены в единые статистические таблицы и, как уже говорилось, не был проведен анализ полученных статистических данных, в результате которого можно было бы получить выводы о результатах «восточного поворота» за 10 лет с 2014 по 2023 гг.

Проведенный нами беглый анализ структуры внешней торговли России по странам показал, что за 10 лет произошли определенные изменения. Выяснилось, что за 10 лет сократился объем внешней торговли – с 784,4 млрд долл. в 2014 г. до 710,2 млрд долл. в 2023 г.⁷ Хотя первое место по-прежнему сохраняет за собой Китай с заметным увеличением объема торговли – более чем в 2 раза – с 95 млрд долл. в 2014 г. до 240 млрд долл. в 2023 г.⁸ В 2014 г. со второго по четвертое место занимали три европейские страны – Нидерланды, Германия и Италия, а пятое место занимала Белоруссия. В 2023 г. на второе место переместилась Индия с 19-го места, на 3-е место – Турция с 16-го места, на 4-е место – Белоруссия с 5-го места и на 5-е место – Казахстан с 12-го места⁹. Так что поворот на Восток, как справедливо было отмечено в работе, в основном, оказался связан именно с расширением торгово-экономических связей России, прежде всего с КНР, а также с Индией и Турцией, а не со всеми странами к востоку и юго-востоку от России.

⁶ Инвестиции в России. 2023: статистический сборник / Росстат. М., 2023. С. 221. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2023 (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Внешняя торговля России: 1994–2024. URL: <https://www.global-finances.ru/vneshnyaya-torgovlya-rossii-2023> (дата обращения: 22.09.2024).

⁸ 中国统计摘要 – 2016, 北京, 2016. [Статистический справочник Китая – 2016. Пекин, 2016. С. 105]; 中国统计摘要 – 2024, 北京, 2024. [Статистический справочник Китая – 2024. Пекин, 2024. С. 101.]

⁹ Внешняя торговля России: 1994–2024. URL: <https://www.global-finances.ru/vneshnyaya-torgovlya-rossii-2023> (дата обращения: 22.09.2024).

В этой связи возникают два вопроса: почему так получилось и что нужно делать для исправления ситуации? Такие результаты «поворота на Восток» получились по двум причинам – объективным и субъективным. К объективным причинам следует отнести неразвитую инфраструктуру на восточных границах России. В настоящее время на всем протяжении рек Амур и Уссури имеются всего два моста – автомобильный мост Хэйхэ–Благовещенск и железнодорожный мост Нижнеленинское–Тунцзян, три железнодорожных перехода Забайкальск–Маньчжурия, Суйфэньхэ–Гродеково и Краскино–Хунчунь, а также несколько автомобильных переходов в Забайкальском крае, Амурской области, Еврейской АО, Хабаровском и Приморском краях и несколько морских портов, в т.ч. Владивосток, Находка, Зарубино, Магадан и др. Очевидно, что при увеличении объема международных перевозок будет трудно справиться с их растущим объемом. В свое время для реализации восточной политики при Николае II было подписано соглашение с Цинским правительством в 1896 г. о передаче России в аренду Ляодунского п-ова, была построена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая через территорию Китая напрямую связывала Иркутск с Владивостоком и местом базирования 1-й Тихоокеанской эскадры Порт-Артуром (Люйшунь) и Дальним (Далянь) на Ляодунском п-ове. Для реализации таких крупномасштабных проектов был создан банк в Иркутске, который осуществлял финансирование поставленных задач по реализации восточной политики России в те годы.

Вторая причина – не менее важная, субъективная. Большая часть российского чиновничества и бизнесменов с 1990-х гг. были ориентированы на Запад. Но уже с 2007 г., после Мюнхенской речи В.В. Путина, стало ясно, что постепенно надо начать двигаться на Восток, но этого не произошло. Тем не менее, все-таки было принято решение о строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» с ответвлением на Китай от Сковородино, который в настоящее время в условиях санкций обеспечивает поставки нефти на восток. Другое решение, которое было принято в мае 2014 г. о строительстве газопровода «Сила Сибири – 1» с Дальнего Востока в Китай принималось уже во многом по результатам «Крымской весны» 2014 г. и начавшихся западных санкций. При всем этом объемы торговли России со странами востока росли медленно, с некоторыми странами вообще не росли, и вряд ли можно сегодня серьезно воспринимать показатели объема внешней торговли с Японией (20 млрд долл.) и Республикой Корея (40 млрд долл.) на фоне огромных объемов торговли Китая и США с этими странами. Складывается ощущение, что все ждут возвращения к временам конца 1990-х гг. – первому десятилетию XXI в., когда восстановятся

налаженные ранее торгово-экономические связи с традиционными партнерами на Западе и поворот на Восток прекратится.

Одним из основных и серьезных недостатков рецензируемой книги является игнорирование работ по проблемам восточной политики России своих предшественников. В Институте Дальнего Востока РАН под руководством академика М.Л. Титаренко с 1990-х гг. велась работа по проблемам развития торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта работа велась в сотрудничестве с Дальневосточным и Сибирскими отделениями РАН, учеными из КНР и Республики Корея. В 1995 г. было проведено совместное обследование ситуации в Хабаровском и Приморском краях совместно с учеными из Ханьянского университета с выездом на места, проведением совместной конференции в Сеуле и публикацией коллективной монографии¹⁰.

В дальнейшем эта тема всесторонне обсуждалась на Байкальском экономическом форуме в сентябре 2000 г., в организации которого принял активное участие тогдашний председатель Совета Федерации С.М. Миронов. В этом форуме принимали участие большое количество ученых РАН и университетов, в дискуссиях участвовали большое число зарубежных ученых не только из КНР, Японии и Республики Кореи, но и США и стран ЕС. По итогам обсуждения восточной политики России была принята резолюция о развитии международного торгово-экономического сотрудничества с целью развития российского Дальнего Востока и Сибири.

Проблемы восточной политики России обсуждались на конференциях в МИДе в начале 2000-х гг., и по их итогам издавались сборники докладов¹¹. В последующем дискуссии на эту тему регулярно проходили с учеными из Академии общественных наук Китая, Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и ведущих вузов КНР – университетом Цинхуа, Пекинским педагогическим университетом, по итогам этих исследований выпускались сборники материалов конференций и отдельные статьи на русском и китайском языках. В такой работе активно принимал участие и МГИМО МИД РФ, по итогам совместной работы с Педагогическим университетом Пекина профессор из КНР Ли Син и из России А.Д. Воскресенский опубликовали на китайском языке монографию «Исследование механизма развития регионов

¹⁰ Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества / отв. ред. А.В. Островский, М.Л. Титаренко. М., 1998.

¹¹ Например, см.: Россия в АТЭС и в АТР: Материалы Третьей научно-практической конференции «Россия в АТЭС и в АТР», Москва, 25 апреля 2001 г. / отв. ред. И.Д. Иванов, М.Л. Титаренко. М., 2001.

сопряжения Азии и Европы», рецензия на которую была опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹².

Одно из последних обсуждений на эту тему состоялось на заседании Президиума РАН в марте 2017 г., на котором в качестве основного докладчика выступил автор данной рецензии и, в качестве одного из выступающих, тогдашний директор Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин, соавтор рецензируемой работы. В основном докладе был поставлен вопрос о необходимости усилить исследования развивавшихся с 2013 г. после избрания Си Цзиньпина на пост Председателя КНР китайских инициатив в сфере международного экономического сотрудничества, таких как «Пояс и Путь», «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века». На тот момент члены Президиума РАН не сочли достаточно серьезными китайские инициативы и не приняли решений по дальнейшему исследованию этой тематики. Тем не менее, текст выступления на заседании Президиума РАН по принятой традиции был полностью опубликован в «Вестнике Президиума РАН»¹³.

В работе также есть много мелких недочетов, которые имеют большое значение для анализа поднятой проблемы. В частности, на с. 24 говорится о том, что «Россия и Китай к концу 2023 года довели долю рубля и юаня в своих расчетах до 95%», но позже, на с. 83, говорится, что «90% платежей между двумя странами осуществляется в иностранных валютах»¹⁴. Судя по всему, верно второе утверждение, т.к., в случае проведения платежей в рублях и юанях через российские и китайские банки напрямую, вряд ли можно подвергнуть санкциям китайские банки, принимающие платежи от российского бизнеса за поставленные товары и услуги. Но если проведение платежей идет в иностранной валюте, то это можно легко проверить через американские банки и подвергнуть нарушителя наказанию, так называемым вторичным санкциям.

Работа оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, можно согласиться с мнением ответственного редактора С.А. Караганова,

¹² 李幸, Воскресенский А.Д. 亚欧中心跨地区发展体制机制研究 (Исследование механизма развития регионов сопряжения Азии и Европы), 北京九州出版, 2016; Островский А.В. Исследование механизма развития регионов сопряжения Азии и Европы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 177–181 (рецензия на совместную монографию Д.А. Воскресенского и Ли Сина); Перспективы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В 2-х т. / отв. ред. А.В. Островский и Чжу Юй. М., 2019.

¹³ Островский А.В. Перспективы сопряжения проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Евразийского экономического союза» // Вестник Президиума Российской Академии наук. 2017. Т. 87. № 11. С. 974–985.

¹⁴ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М., 2024. С. 24, 83.

высказанным во введении к данной работе, о том, что «она является ценным учебным пособием для студентов и аспирантов, занимающихся мировой экономикой и политикой, на ее основе будет написано немало курсовых, магистерских и даже диссертационных работ»¹⁵. С другой стороны, с научной точки зрения работа не представляет собой особой ценности, т.к. в ней отсутствует научная новизна. Все основные идеи по «повороту на Восток» и восточной политике России уже были высказаны ранее. Указанные в сносках к данной рецензии работы на эту тему – только малая часть того, что было опубликовано за последние двадцать лет.

К сожалению, авторы работы так и не подвели экономические и политические итоги поворота России на Восток, не предложили мер по дальнейшему развитию России в целом и Дальнего Востока в частности, и много рассуждали о развитии БЕП, о котором после начала СВО можно только мечтать.

На наш взгляд, с учетом сохраняющегося российско-китайского партнерства, авторам следовало уделить в работе больше внимания китайским проектам экономической интеграции, таким как «Пояс и Путь», Всестороннее региональное экономическое партнерство. Результаты этих инициатив в значительной мере способствуют не только использованию внешнего фактора для развития китайской экономики, но и развитию экономики тех стран, которые смогли подключиться к этим китайским инициативам. В этой связи так и осталась за кадром оценка китайских экономических реформ в целом и китайских внешнеэкономических инициатив в частности. Судя по мнению авторов работы, «поворот на Восток» – это сегодня, в основном, работа с китайскими партнерами, и отсутствие научной новизны в работе связано именно с недостаточной проработкой китайских инициатив и проектов в рамках мировой экономики.

В целом, можно отметить, что по большому счету работа не получилась, т.к. в ней не определен предмет исследования – поворот на Восток, и авторы труда во введении и в первой главе так и не дали определения понятия «восток». Суля по тексту, получилось так, что туда входит Китай, страны АТЭС, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, но из этого понятия были исключены такие страны Востока, как Индия, Турция, Иран, все арабские страны и страны Африки, которые, в научном понимании этого термина, являются странами Востока. В работе также не был проведен анализ изменения страновой и товарной

¹⁵ Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток. Восточноазиатский вектор России (2014–2024). М.: РАН, 2024. С. 6.

структуры российской внешней торговли, которые дают понять сущность российского поворота на восток. Опыт написания такого рода работы трудно признать удачным.

Сведения об авторе / About the author

Островский Андрей Владимирович – доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра исследований современного Китая, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Andrei V. Ostrovskii – Dr. Hab. (Economics); Chief Research Scholar at the Centre for Chinese Contemporary Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ostrovskii.ifes@gmail.com